

В ноябре того же года новое поручение привело его опять в Черногорию, а затем и в Боснию. В существующей литературе о Ковалевском этот эпизод упоминается очень глухо или не упоминается вовсе. Даже И. С. Аксаков, который говорит о нем несколько больше, чем другие авторы, ничего не сообщает о конкретных целях поездки Ковалевского, ограничиваясь намеками⁷. Несомненно, что миссия его носила секретный характер. Тем не менее кое-что о ней просочилось в близкие к правительственным сферам круги Петербурга, а затем распространилось и далее. Вот что писала в этой связи А. Д. Блудова М. П. Погодину 3 апреля 1854 г.: «В Черногорию для действия и на Боснию уже давно послали полковника Ковалевского, но ему всего на все для закупки хлеба (потому что там неурожай) и для покупки оружия <...> дали 10 тысяч рублей. Вы можете вообразить, много ли на это можно сделать, да еще два транспорта ружей австрийцы поймали и конфисковали!»⁸ А незадолго до этого — 2 марта — она писала ему же: «Насчет Боснии. — Там Ковалевский с несколько тысячей успел много сделать — он подготовил все»⁹. Эти сообщения приводят к выводу: перед Ковалевским стояла задача подготовить все необходимое, чтобы в случае, если под влиянием событий русско-турецкой войны в Боснии вспыхнет восстание против турецкого владычества или Черногория попытается вернуть некогда отторгнутые у нее Турцией территории, можно было бы поддержать это движение оружием и продовольствием. Однако миссия Ковалевского осталась незавершенной. «После целого ряда препятствий, вмешательств и обманов со стороны нашей же дипломатии, — писал И. С. Аксаков, — его вызвали обратно в самую критическую минуту, а вызвавши в Вену, не отпустили обратно. От этого нравственного удара, от этого разрушения надежд не только своих, но всех наших единоверцев <...> Егор Петрович не мог оправиться до конца жизни»¹⁰. Этой косвенной характеристикой миссии Ковалевского подтверждается высказанное выше предположение по поводу задачи, которая перед ним стояла.

Причины, по которым Ковалевский был отозван, легко объяснимы. Вступление Англии и Франции в войну, последовавшее в марте 1854 г., вынудило Николая I искать союза с Австрией или хотя бы дружественного нейтралитета с ее стороны. В этой ситуации следовало избегать действий, задевающих ее интересы. Освободительное движение славянских народов против Турции, способствовать возникновению которого было задачей Ковалевского, могло спровоцировать аналогичное движение в славянских областях Австрийской империи, поэтому продолжать его миссию, как бы успешно она ни протекала, в этих условиях оказалось несовременно.

Здесь уместно вспомнить, что указанное изменение внешнеполитического курса коснулось до некоторой степени и Тютчева. Когда в мартовском номере «Современника» за 1854 г. было напечатано стихотворение «Не гул молвы прошел в народе...», отражающее его панславистские чаяния, Николай I нашел эту публикацию неуместной. Зачеркнув последние строки, предрекавшие российскому императору будущее главы славянского мира («всеславянского царя»), он сделал на полях помету: «Подобные фразы не допускать»¹¹. В результате изданный в июне сборник «Стихотворения Ф. Тютчева» (СПб., 1854) вышел без этих стихов.

Не желая оставаться в стороне от происходящих событий, Ковалевский добился прикомандирования его к действующей армии. С марта 1855 г. он, находясь при штабе главнокомандующего, участвовал в обороне Севастополя. Летом того же года Ковалевский заболел тифом и был вывезен из осажденного города. В Петербурге распространились слухи о его смерти.

В связи с этими слухами впервые рядом с именем Ковалевского возникает имя Тютчева: «Слава Богу, Ковалевский не умер, — писала А. Д. Блудова М. П. Погодину 1 августа 1855 г. — Вяземского я еще не